

Глава 15

Ся Лефань время от времени заглядывал в гости под благовидным предлогом — якобы проверить здоровье Юань Цзинкуня.

На самом деле Цзинкунь по-прежнему не выносил чужих прикосновений. Поэтому каждый визит доктора ограничивался лишь измерением давления да прослушиванием сердца.

Ся Лефань не водил машину, так что Гэн Синю всякий раз приходилось заезжать за ним в больницу, а после отвозить обратно в общежитие.

— Как это ты водить не умеешь? — ворчал Гэн Синь. — Тоже мне, врач! И как ты только умудрился не освоить базовый навык?

— И что с того, что врач? Где это прописано, что медик обязан сидеть за рулём? — огрызнулся Лефань, недовольный таким пристальным вниманием к своей персоне. — Врачу не за баранку держаться важно, а скальпелем владеть. Ошибки на дороге неприятны, а ошибки на операционном столе — фатальны!

— Да ладно? Врачи же вроде люди умные. А как может умный человек не справиться с машиной?

Ся Лефань лишь беспомощно усмехнулся в ответ.

Общаясь с Гэн Сином, он постепенно осознавал, что тот прост до наивности. Его мышление было прямолинейным: Синь отсекал любые объективные сложности, превращая даже самые запутанные ситуации в простую картинку, рождённую его воображением.

Гэн Синь же, напротив, считал Ся Лефаня хитрецом. Он вечно щурился за стёклами очков, скрывая живой, цепкий ум в своих красивых глазах-фениксах. Доктор вёл дела стремительно, а за напускным легкомыслием прятал серьёзность и осторожность.

— Это называется «скрытая мудрость», ясно тебе? — Лефань повысил голос.

Гэн Синь надул губы, не понимая, с чего тот вдруг завёлся, и замолчал, сосредоточившись на дороге.

Глядя в зеркало заднего вида на его обиженную мину, Лефань едва сдерживал смех. У Гэн Синя было детское лицо: круглые глаза, густые дуги бровей, аккуратный нос и тонкие губы. Черты лица казались чуть мельче, чем у обычных мужчин, из-за чего его легко можно было принять за студента-первокурсника.

Гэн Синь припарковался у обочины и отстегнул ремень.

— Мне нужно в банк заскочить. Подожди минутку.

— Поторапливайся, — бросил Лефань, который терпеть не мог сидеть в томительном ожидании.

— Хорошо, я быстро! — Гэн Синь заботливо включил музыку в салоне и вышел.

Он и впрямь обернулся молниеносно — песня ещё не успела закончиться, а он уже вышел из отделения. Забравшись на водительское сиденье, Синь бросил пачку документов на приборную панель и завёл мотор.

Лефань лениво перебирал бумаги, как вдруг из папки выскочило удостоверение личности Синя. Он поднял его и, взглядевшись в цифры, опешил:

— Тебе правда двадцать шесть?

Гэн Синь выхватил карточку и спрятал её в нагрудный карман.

— Ну да. А что такого?

— Обалдеть... Никогда бы не подумал. Ты же старше меня на год! А я-то решил, что ты только-только университет окончил, — Лефань не мог скрыть изумления. При первой встрече он дал бы Гэн Синю не больше двадцати двух, а тот, оказывается, уже всю перешагнул порог взрослой жизни.

— Просто я молодо выгляжу, — хохотнул Синь. — Мне вечно восемнадцать!

Лефань лишь криво усмехнулся.

«Дай тебе волю, ты и вовсе в ясли запишешься».

Время текло незаметно, словно вода сквозь пальцы — прохладная, невесомая, но неумолимая.

После того как Гун Сино успешно выиграл важнейший тендер, жизнь в компании вошла в привычное русло. Авралы прекратились.

Сино был человеком железной дисциплины. Если того не требовала работа, он игнорировал любые светские рауты и банкеты. Его график напоминал часы: с девяти до пяти в офисе, редкие задержки по необходимости, а затем — домой.

В деловых кругах его безупречная репутация была притчей во языцех. Те, кто пытался втереться в доверие через «заднюю дверь», пару раз наткнувшись на ледяную вежливость, быстро отступали. Принципиальность Гун Сино не знала границ: если дело можно было решить законно, он решал его без всяких подношений; если же закон был против — никакие угрозы или взятки не могли заставить его передумать.

Почти все представительские обязанности ложились на плечи вице-президентов, которые позже лишь пересказывали боссу итоги переговоров за ужином.

Весь мир знал, что Гун Сино не притрагивается к спиртному. Курил он тоже редко, никогда не делая этого на людях. Лишь в моменты крайнего раздражения или тоски он зажигал сигарету и просто держал её в руке, наблюдая, как она медленно превращается в столбик пепла.

Любому, кто сталкивался с ним по работе, было трудно связать его образ с должностью генерального директора транснациональной корпорации.

В нём не было ни капли директорского высокомерия или властности. Скромный, интеллигентный, сдержанный и удивительно спокойный. Сино говорил не спеша, держался со всеми на равных, но при этом сохранял ту невидимую дистанцию, которую никто не решался нарушить. Людям казалось, что он открыт, но подойти к нему ближе было страшно.

Единственное, что смущало окружающих — он почти никогда не улыбался.

Наступила золотая осень — пора сбора урожая.

Юань Цзинкунь был уже на пятом месяце. Гун Сино, всё это время живший в постоянном напряжении, наконец немного расслабился.

Здоровье Цзинкуня не вызывало опасений: ни токсикоза, ни слабости. Ребёнок, как мужчина с рецессивным геном, развивался правильно.

На самом деле Ся Лефань и сам не знал наверняка, каково состояние плода — Цзинкунь не позволял прикасаться к животу, а по внешним признакам судить было трудно. Однако, раз Иньсин-жэнь чувствовал себя превосходно, значит, и с малышом всё было в порядке.

Сино неизменно приезжал каждый вечер к ужину. Фигура Цзинкуня заметно округлилась, живот выпирал вперёд, и эту выпуклость уже не могли скрыть даже свободные спортивные

КОСТЮМЫ.

Когда неприятные симптомы первого триместра отступили, у Цзинкуня проснулся недюжинный аппетит. Теперь на столе вместо пустой каши и овощей красовались разнообразные питательные блюда, над которыми Гэн Синь колдовал каждое утро.

Благодаря хорошему питанию лицо Цзинкуня округлилось, черты смягчились, а взгляд перестал быть таким колючим и холодным.

Впрочем, общались они по-прежнему мало. Гун Сино появлялся около семи вечера, они ужинали, затем он недолго сидел в гостиной, давая пище усвоиться, и уезжал к девяти.

День за днём они проводили в тишине.

Связующим звеном между ними стал Гэн Синь. Цзинкунь передавал через него просьбы, Сино давал поручения. Синь метался между ними, передавая обрывки фраз, которые понимали только эти двое.

«У меня что, талант шпиона?» — подшучивал над собой помощник.

Как-то после ужина Цзинкунь устроился в кресле-качалке с книгой, а Гун Сино занял диван с газетой в руках. Оба делали вид, что страшно заняты чтением, но на деле оба витали в облаках.

Сино за десять минут не прочитал ни строчки.

«Ну что там за книга такая интересная? Хоть бы словом со мной обмолвился...»

Цзинкунь тоже застрял на одной странице.

«И что он в этой газете нашёл? Лучше бы просто поговорили...»

Скука смертная.

Вдруг Цзинкунь вспомнил, что в холодильнике осталась сушёная рыбка, которую Сино привез из командировки на Хайнань. Он захлопнул книгу и решительно направился на кухню.

Гун Сино, услышав хлопок дверцы холодильника, сразу догадался о намерениях «сожителя».

— Не больше двух штук в день, — напомнил он, не поднимая глаз от газеты.

Цзинкунь замер над коробкой. Точно, Сино сам установил это правило, боясь, что от обилия солёного у беременного начнётся изжога.

— Но я не ел её вчера и позавчера, — Цзинкунь решил проявить смекалку. — Значит, сегодня могу съесть сразу шесть.

— Накопительный итог не засчитывается, — отрезал Сино, направляясь в сторону ванной. Одной короткой фразой он разрушил все гастрономические планы Цзинкуня.

Плод рос, и Цзинкунь начал чувствовать его шевеления. Сидя в кресле и положив руки на выпирающий живот, он часто погружался в раздумья.

Этот ребёнок не имел с ним кровного родства, но он рос внутри него. Каждый толчок, каждое движение отзывалось во всём теле. И внезапно пришла горькая мысль: как только малыш родится, им придётся расстаться.

«Неужели мне его жалко?»

В душе Цзинкуня зашевелилось нечто похожее на отцовскую привязанность.

Раньше он считал дни до родов, мечтая поскорее избавиться от этой ноши, уйти от Гун Сино, покинуть эту квартиру и вернуться к прежней жизни.

Но разве от его прежней жизни хоть что-то осталось?

Всё, чем он дорожил, превратилось в прах. Оставив эту квартиру, Гун Сино и ребёнка, он останется совершенно один. Нищий и одинокий.

Нет, не совсем так. У него есть отец — единственный родной человек, смысл его борьбы и главная причина, по которой он всё ещё держится.

Лёгкий толчок под кожей вернул его к реальности.

«Малыш...» — мысленно позвал он.

«Когда ты вырастешь, вспомнишь ли ты меня? А может, ты никогда и не узнаешь, что в этом мире был я».

Сердце сжалось от боли. Руки на животе невольно сжали ткань одежды, словно пытаюсь

удержать ускользающее дитя.

По выходным Гун Сино давал Гэн Синю отгул, оставаясь с Цзинкунем вдвоём. Он сам следил за распорядком, готовил еду, читал или ходил в супермаркет за продуктами.

Понимая, что Гэн Синю тоже нужно проветриться, по воскресеньям Сино приходил пораньше, отпуская помощника на все четыре стороны.

Синь был не местным, друзей в городе у него почти не было. Пока он был занят на работе, ему хотелось побывать везде и сразу, но стоило получить свободу, как выяснялось, что идти-то особо и некуда. Да и одному бродить по улицам скучно.

Поразмыслив, Синь обычно отправлялся в общежитие к Ся Лефаню. Он притаскивал пакет со всякой снедью, и они вдвоём убивали время за просмотром кино или телевизионных шоу.

Лефань был не против таких визитов. Гэн Синь ему определённо нравился. Они без стеснения объедались чипсами, болтали, а иногда и вовсе валялись на полу, раскинув руки.

К счастью, Лефань постелил в комнате толстый пушистый ковёр, иначе на его узкой холостяцкой койке два взрослых парня просто не поместились бы.

Комнатушка была крохотной, но Лефань умудрился втиснуть туда всё необходимое: кровать, компьютерный стол, шкаф, небольшой диванчик и складной столик. Был даже отдельный санузел, но без кухни.

— Слушай, мне кажется, господин Гун влюбился в Цзинкуня! — Гэн Синь, увлечённо жуя сушёного кальмара, внезапно сменил тему.

— Да ну? — Лефань прищурился и ловко выхватил у него пачку. — А мне вот кажется, что это Юань Цзинкунь сохнет по Сино.

Ся Лефань прекрасно понимал: появился бы в жизни Гун Сино кто-то другой или нет, ему самому никогда не быть рядом с ним. Сино был для него подобен солнцу — он дарил свет и тепло, но прикоснуться к нему было невозможно. Они жили в разных мирах. А любовь — это то, что должно быть взаимным.

Лефань решил, что пора обрубить эти спутанные нити чувств и вернуться к начальной точке.

Гэн Синь подскочил на месте и удивлённо замигал:

— Серьёзно? Думаешь, это взаимно?

— Эй, — Лефань внимательно посмотрел на него и сменил тему. Голос его стал непривычно серьёзным. — У тебя самого-то есть кто на примете?

— Чего это ты вдруг такой любопытный? Тебе бы не врачом быть, а репортёром в жёлтой прессе! — Синь густо покраснел, испугавшись, что доктор разгадал его маленький секрет, и снова рухнул на ковёр.

Теперь пришла очередь Лефаня. Он приподнялся на локте и лукаво протянул:

— Надо же, двадцатилетний старик, а ни разу не влюблялся. Позор!

— Сам ты старик! Всего на год младше, а воображаешь! — Гэн Синь обиженно надулся. — Выглядишь как мой папаша, а ещё дразнишься!

Лефань опасно приблизился к его лицу, и в его глазах блеснул недобрый огонёк.

— Да? Ну, я не против побыть твоим «старшим»...

— Ты что это удумал?.. — Гэн Синь замер, глядя, как лицо Лефаня приближается, пока тот не накрыл его губы своими.

Когда всё закончилось, оба лежали в изнеможении, но Гэн Синь упрямо решил продолжить прерванный разговор.

— Но ведь Цзинкунь совсем не проявляет интереса к господину Гуну. Он даже первым никогда не заговаривает...

— У тебя ещё остались силы болтать о чужих делах? Значит, я был слишком нежен, — прошептал Лефань.

— Эй, ты чего... Хватит с меня! — Синь попытался отодвинуться. — Больно же!

— Меньше бы болтал — меньше бы болело.

— А-а... тише ты, полегче!

— Не ори так, а то соседи подумают, что я тут поросю режу!

— У-у-у... там же кровь...

— Не болтай чепухи, это моя любовь...

<http://bllate.org/book/17488/1695011>